

День Охраны Труда / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

День Охраны Труда / рассказ ДЕНЬ ОХРАНЫ ТРУДА / история одного убийства

16 января

Охрана труда – система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия.

См. часть первую статьи 219

Трудового кодекса Российской Федерации

Василий Николаевич Торжецкий – начальник Паласовской дистанции пути, структурного подразделения Приволжской дирекции инфраструктуры, структурного подразделения Центральной дирекции инфраструктуры, филиала открытого акционерного общества «Российские железные дороги», а если пользоваться корпоративным сленгом просто ПЧ-13 – ждал. 16:15. Через пять минут на многоканальном телефоне ПЧ-13 загорится красная лампочка и начнется аудиоселектор, на котором как обычно ДИ[1] будут освещены все жестокие важные нарушения, допущенные Василием Николаевичем и другими ПЧ Приволжья на этой неделе. Самыми серьезными нарушениями будут, конечно, нарушения исполнительной дисциплины, которых за Василием Николаевичем на этой неделе насчиталось более пятнадцати. Не были ещё подготовлены отчеты о подписанных на прошлой неделе сделках, не посчитаны суммы вынесенных штрафов, не сделаны отчёты о состоянии безопасности движения, о количестве допущенных случаев Лампочка замигала красным. Василий Николаевич откашлялся, приосанился и нажал кнопку подключения.

– ПЧ-13 на связи. Добрый вечер.

– Добрый вечер, Василий Николаевич. Ждем ПЧ-20 и ПЧ-8 –

объявил голос секретаря.

– ПЧ -20 слушает.

– ПЧ-8 слушает.

– Добрый вечер коллеги. Рад всех слышать.

Василий Николаевич беззвучно усмехнулся в центр красной лампочки. В голосе ДИ не было ни грамма радости.

– Буду краток. Об отчётах спрашивать не стану, жду всё установленным порядком. Сегодня на повестке дня «день охраны труда». Утром прошёл селектор с Москвой и было дано поручение провести это мероприятие в следующую пятницу. Передаю слова московского руководства – «событие масштаба страны»! На всех дорогах, повторяю – всех, 23 января отменяются все виды работ и проводятся инструктажи и показательные программы, посвящённые охране труда. На каждый регион будет направлена комиссия из аппарата. Какой именно участок комиссия посетит, естественно, не разглашается. Примерная программа мероприятий будет разослана в субботу. Завтра до обеда прошу представить мне списки ответственных за организацию на местах.

– Но, Артём Дмитриевич, как же всё успеть? В ПЧ-15 девятнадцать участков. Я всех не соберу!

– Собирайте! И не пытайтесь задавать мне такие вопросы, сами знаете, что сроки устанавливаю не я. Итоговые списки по Приволжской ДИ я должен передать в Москву до шестнадцати часов. Работаем, господа-товарищи!

– А как же снег? Выправка? У меня на пятницу три окна!

Василий Николаевич решил озвучить главный, мучивший всех вопрос.

– Переносим на понедельник?

– Василий Николаевич, ты соображаешь? Понедельник это уже двадцать шестое – у тебя срок отчетности – двадцать пятое. Не выполнишь план, сам знаешь, какие будут последствия.

– И как же быть? Выходить на работы в пятницу?

– Ни в коем случае! Ты же слышал, что я сказал. Проверка московская будет в пятницу! Ну что вы, ей богу, сегодня все как дети малые!

– Понял, Артём Дмитриевич.

Василий Николаевич отключил связь, откинулся на спинку кресла

и стал медленными круговыми движениями массировать виски.

23 января

Душную, застеленную паром кухню не спасала даже открытая форточка. Небольшое деревянное окно запотело и по его старым, заляпаным в разных местах голубой краской стёклам, скользили быстрые прохладные капли.

Михаил Прохоров – машинист 7-го разряда автоматрисы АДМ № 1270 Паласовской дистанции пути Приволжской дирекции инфраструктуры в эту душную кухню вошёл горделиво задрав подбородок. Да ещё и громко хлопнул ветхой деревянной дверью. Он сделал это намеренно с явным желанием того, чтобы жена, хлопотавшая над тремя кипящими кастрюлями, услышала и обернулась. Жена услышала и обернулась. Михаил улыбнулся ей и легко, демонстративно небрежно, бросил на обеденный стол свёрнутый в трубку листок бумаги.

– Грамота! – пояснил Михаил. – За надлежащее обеспечение безопасности движения в период снегоборьбы.

Жена безразлично хмыкнула и отвернулась к своим кастрюлям.

– Ну, Маш! – Михаил подошёл к жене, обнял за плечи и уткнулся лицом в её влажную, прохладную от пота шею. Жена недовольно повела плечами, но Михаил только крепче сжал их.

– Голубцы, ммм... Маш, ты золотая! Маш? Ну, виноват. Ну, прости! Ты ж знаешь, как оно бывает...

– Оно у тебя каждый день так бывает! То, проверка, то сетевое совещание, то разбор, то круглый стол... Сегодня этот твой «день охраны труда»! Только не вижу я, кто и как твой труд охраняет! Полночь за окном.

Жена всё-таки стряхнула руки Михаила со своих плеч и стала яростно натирать на мелкой тёрке морковь.

– Так поздно? – Михаилу почти искренне удалось изобразить удивление.

На самом же деле он прекрасно отдавал себе отчет во времени. Более того, после официальной части мероприятия он умышленно задержался, чтобы выпить с коллегами по работе (отпраздновать, так сказать, предстоящий юбилей). Но жене об этом знать было

не обязательно. Также как не обязательно было ей сейчас сообщать, что завтра, в свой выходной (и, опять же, в свой юбилей!) ему придется выходить на работу. Пусть лучше это будет неприятным ранним срочным вызовом. Естественно, неожиданным.

— И что там было?

— Не что, а кто, Машуня! Сам первый зам Центральной дирекции! Представляешь? И умный мужик, оказался, знаешь ли. Сам когда-то и выправкой занимался, машиной управлять умеет. И глаз у него намётан. Когда высоту ограждений проверял, заметил погрешность на полтора сантиметра! А когда наш Леонидыч свой доклад о новых АДМ докладывал, такие детальные вопросы задавал, что тот и ответа не знал...

— Ну, Миш, на то они и начальники, — жена чуть оттаяла голосом.

— Но наш-то Леонидыч — мозг участка! Начальство его всегда на все конференции посылает с докладами выступать. Потому что язык подвешен, да и голова хорошо в механизмах разбирается. А этот, первый зам его как на экзамене вопросами завалил. Мы так и ждали, что в конце он ему скажет: «садитесь, тройка!».

Михаил рассмеялся и чуть боязливо покосился на жену.

— Есть хочешь?

— Не, Машунь. Нам после такой банкет закатали! Красота просто! И бутерброды с красной рыбой, и шашлык, и икорка, и салатики разные...

«А потом и я еще проставился колбаской, килькой да водочкой», — добавил Михаил про себя.

Он не чувствовал себя виноватым перед женой. Не чувствовал усталости после долгого дня, начавшегося в 5 утра. И совсем не чувствовал себя незаслуженно обремененным, что завтра, в свой выходной, ему придется встать также рано и отправиться на родной участок, чтобы делать свою работу. Ту самую работу, которую надлежало бы по приказу, выданному начальником дирекции, выполнить сегодня, и которую, по распоряжению начальника Центральной дирекции, изданному чуть позже, нельзя было выполнять сегодня, потому что немногим раньше начальника Центральной дирекции президент РЖД распорядился провести «день

охраны труда».

Жена, конечно, будет раздосадована отсутствием Михаила. Но он знает, что ещё больше её может расстроить его неполная мартовская зарплата, на которую она, как он помнил, планировала купить новое платье и засчитать его в подарок на 8 марта.

Часы в форме парусника шли громко и медленно. Старый механизм пробуксовывал, и в одном месте, между двойкой и тройкой, секундная стрелка задерживалась чуть дольше. Как будто выбирала, идти ли ей дальше или подпрыгнуть вверх, повернув время вспять.

Где-то на окраине мира бесконечными составами рушился снег, гремели поршнями и коленвалами старинные часы. Маленький диспетчер кричал в маленький мегафон. А Михаил в сладкой истоме плыл во вселенной жены и улыбался. «Платье красного цвета номер девятнадцать семнадцать переводится на второй путь», – откуда-то с окраины мира прокричал диспетчер. «Да! Принято! – блаженно улыбался Михаил». «Дилеммы нет»? – строго осведомился приставучий карлик. «Без базара», – Михаил сладостно кивнул во сне.

24 января

Так случилось, что в этот раз снег на Приволжской железной дороге выпал днём 23 января. А поскольку, как уже известно, 23 января на дороге проходил «день охраны труда», Сергею Трушкину – монтеру мути 5-го разряда Паласовской дистанции пути в этот раз не пришлось проходить через всю официальную процедуру доклада о снеге.

В тот момент, когда снег пошел, он находился на полигоне вместе со всем своим начальством, демонстрируя ещё более высокопоставленному начальству из Москвы работу техники и функционирование системы безопасности – гудков, светофоров, звонков и шлагбаумов.

Эта непосредственная близость к руководству и привела к тому, что Сергею Трушкину не только посчастливилось поучаствовать в организованном дирекцией банкете в честь «дня охраны труда»,

но также ему выпала честь быть снаряженным на работы по очистке стрелочных переводов и рельсов от снега.

На те самые работы, которые по установленному порядку нужно было бы выполнить 23 января, но которые ввиду обозначенных выше обстоятельств нельзя было выполнять 23 января, и которые приказано было выполнить следующим утром 24 января.

В автоматрисе у Михаила Прохорова сегодня было как в холодильнике. Печка неделю как дала сбой. Починить? Да, починить должны. Скоро. Наряд на починку оформили, так что на днях всё будет.

— Чего хмурый такой? — спросил Михаил у своего напарника.

— Спать хочу ужасно. — Пожаловался тот и в подтверждение растянул рот в длинном зевке. — А ты разве не хочешь? Вместе же домой расходились вчера.

— Хочу! — Михаил тоже зевнул. — И побольше тебя, может.

— Ну ясно, — чуть разочарованно протянул напарник. Новую тему для разговора его полусонный разум придумать был не в состоянии. — Сколько еще там осталось?

Михаил выглянул в мутное запачканное грязевыми подтёками окно, чтобы разглядеть отметки на дороге.

— Километра четыре, вроде. Значит, пол часа ещё, не меньше.

— Угу. — Напарник в очередной раз зевнул.

— Чего «угу»? Бери стопку!

— Ну, будь здоров, юбиляр!

Они чокнулись пластиковым стаканчиками, но откуда-то донёсся звон. Михаил прислушался. Внутри машины было тихо, но там, снаружи, звенели рельсы, подтянутые морозом. Холод сгущал воздух и видимость ухудшалась. В такую погоду управлять машиной было лучше, чем трудиться на полевой. Печка бы ещё работала.

24 января

Этим днём Рудольф был жив как никогда. Два разных солнца освещали его лицо и сердце. То солнце, которое светило в лицо

было далеким и холодным. Второе же солнце обжигало и слепило. Этим солнцем была его Мадина – дерзкая, красивая, жизнерадостная и чистая. Её звонкий смех вместо крови разливался по его венам, а её большие черные глаза, жили в его мыслях. Стоило Рудольфу даже просто зажмуриться, эти глаза представляли перед ним и уводили далеко-далеко... Скоро. Очень скоро у него всё будет! Рудольф уже накопил достаточно денег на их будущую свадьбу и немного на ипотеку. Отец вчера позвонил и сказал, что нашел участок для дома. Брат Алим обещал помочь со стройматериалами. А в руках вообще недостатка не будет. Помогать будут все. Так заведено в их семье, что строят дома они все вместе своими руками. И еще Рудольф не сомневается, что помогать будут родители Мадины.

– Хочешь продуть дорогу чертям?!

– А?

– Смотри куда направляешь аппарат, неуч! Не видишь, что дуешь в землю?

– Что?

Рудольф ничего не слышал за дребезжанием мотора и свистом ветра, вырывающегося из длинной узкой трубы снегообдучной аппарата. Он непонимающе уставился на злое раздраженное лицо начальника.

Сергей Трушкин подошел к Рудольфу и нажал на кнопку выключения на аппарате, закрепленном на его спине.

– Олух! – продолжал ругаться Сергей. – Ты обучение вообще проходил?

– Так... Ну...

– Что значит ну? Ты не уверен? Не помнишь?

Рудольф не знал, что ему отвечать. Когда он неделю назад нанимался на работу ему весьма подробно рассказали, в чём будет заключаться его работа и показали аппарат.

Всё было понятно, им нужно будет очищать рельсы от снега. Дамир, которого Рудольф заменил на этой работе, также вручил ему книжку с руководством по пользованию этим аппаратом и много толстых папок. Наверное, это и было обучением...

– Проходил, начальник! – более уверенным тоном ответил Рудольф, но внутри струхнул.

Ведь он не стал ничего читать. Документы были на русском, а Рудольф его знал плохо. Нет, говорить-то на русском он умел, а вот читать и писать ему удавалось с трудом. Хорошо, что его знания на бумаге проверить не захотел. А сам Рудольф не стал никому об их отсутствии рассказывать.

Тем более, что он и без инструкции быстро разобрался что к чему. Сам аппарат был похож на пылесос: красный, овальной формы, с грубым резиновым шлангом переходящим в длинную металлическую трубу. Черная кнопка, расположенная в верхней части «пылесоса» размером больше других кнопок явно была предназначена для включения. По двум прикрепленным к пылесосу широким ремням было件нятно, что его нужно будет носить на спине.

Больших знаний об этом устройстве, как убедился Рудольф спустя неделю работы, и не требовалось. И вряд ли они потребуются в ближайшие три недели, на которые он здесь.

– Если проходил обучение, почему не снег выдуваешь, а грунт?!

– Не унимался начальник. – Направляй точнее. Под ободок.

Трушкин выхватил трубу у Рудольфа из рук и присев направил дуло под рельс.

– Вот так!

– Спина уже болит, начальник. – Взмолился Рудольф. – Тяжелая машина. Передохнем, а?

– Я тебе щас дам передохнём?!

– Так же обед уже!

– Ты что до ночи тут горбатиться собираешься? Обед у него! У меня вообще сегодня выходной...

Рудольф нехотя взял трубу из рук Трушкина и включил аппарат. Снова задребезжал мотор и засвистел воздух; под его напором толстый слой сухого снега поднялся в вверх и врезался холодной пылью в глаза Рудольфу. Тот выпустил из рук трубу и стал протирать глаза.

– Эй! Ты что такое делаешь?! – Сергей Трушкин, казалось, сейчас задохнется от возмущения. – Ты кем себя возомнил такими аппаратами бросаться? Сдурел? Хочешь отдать зарплату на возмещение повреждений? Олух! И где вас только таких набирают?!

Вопрос был риторическим. Сергей Трушкин отлично знал, откуда присылают всех этих временных вахтовых рабочих. На время интенсивной снегоборьбы (она почти всегда приходится на январь-февраль) народ набирают из ближайших и не очень сёл и посёлков. На селе в эти месяцы работы практически нет, поэтому более-менее способная молодежь соглашается подработать. Их оттуда сразу и забирают. Сажут в автобусы и привозят на участок. Селят их тут, где придётся: когда в старых полузаброшенных общежитиях, а когда и в пустующих складах и хлевах.

– А?

– Плохо понимаешь по-русски, Рахат-Лукум? Давай сюда аппарат! А то мы так до темноты не закончим...

Рудольф без лишних возражений стащил рюкзак и вручил Сергею. Наблюдая, как Сергей Трушкин нервными торопливыми движениями взгромождает снегоочистительный аппарат на свои хилые узкие плечи, Рудольф несколько устыдился, но все равно не смог скрыть облегчения, появившегося на молодом открытом лице.

– Чего лыбишься? За обстановкой следи! Тебя только что повысили до сигналиста!

Сергей снял со своей шеи оранжевый духовой рожок и надел его на шею Рудольфу. Рудольф кивнул и медленно прокрутился вокруг своей оси.

Полигон был пуст и безопасен. Лишь там, далеко за холмом, слышалось лёгкое монотонное позвякивание металла. Кто-то вёл работы по выправке.

«Хорошо этим машинистам» – подумал Рудольф – «Пальцы у них не морозятся, спины не болят, едут себе в тёплом локомотиве, а машина сама всё делает».

Поэтому, наверное, машинисты на железной дороге, и считаются более доброжелательными и общительными людьми. Не то, что сигналисты. Эти все поголовно как Сергей Трушкин. Тот и сейчас продолжает что-то недовольно бормотать себе под нос (что-то насчет того, что на дороге так всегда и бывает, что начальниками делаются те, кто ничего делать не умеет и в работе ничего не понимает).

1 февраля

– Согласно приказу заместителя начальника Приволжской железной дороги по Паласовскому региону Архипова Т.Р. от двадцатого ноль первого двухтысячи энного года номер тринадцать и проведенному оперативному совещанию от двадцать третьего ноль первого двухтысячи энного года на Паласовской дистанции пути на двадцать четвертое января запланированы работы на регулировку ширины колеи с км семнадцать сорок пять ПК[2] шесть по км семнадцать пятьдесят два ПК десять, очистку стрелочных переводов и железнодорожных путей от снега с км семнадцать сорок восемь ПК девять по км семнадцать пятьдесят ПК девять перегона Усотовский – Лепихинская Паласовской дистанции инфраструктуры.

Двадцать четвертого января в восемь ноль пять по местному времени бригадиром пути бригады по неотложным работам номер четыре Шариковым М.К. был проведен целевой инструктаж по охране труда бригаде монтеров пути в количестве пяти человек: Нуриеву Р.А., Хлопкову Т.К., Фролову Н.Ю., Юдину И.С. и Трушкину С.Н. на производство работ по выправке и очистке стрелочных переводов и железнодорожного пути от снега на вышеуказанном перегоне с км семнадцать сорок восемь ПК девять по км семнадцать пятьдесят один ПК десять до обеденного перерыва.

Сигналистами были назначены Юдин и Трушкин. Обеденный перерыв был установлен с двенадцати до тринадцати часов по местному времени согласно правил внутреннего трудового распорядка.

Также решением начальника энергоучастка Паласовской дистанции пути Вовина Т.М., являвшегося единым руководителем работ, было дано задание Прохорову и Солдатову, которым также был сделан инструктаж по охране труда, о проследовании под их управление автоматрисы АДМ номер двенадцать семьдесят с целью выправки этого же пути с км семнадцать сорок пять ПК шесть по км семнадцать пятьдесят два ПК десять в технологическое окно с двенадцати по тринадцать тридцать часов по местному времени.

Работы по очистке были начаты в установленной время, однако в двенадцать ноль-ноль Трушкиным самостоятельно, ввиду

невыполнения должного объёма работ в отведённое время, принято решение о продолжении снегоочистительных работ на км семнадцать сорок девять ПК восемь перегона за пределами приказа.

После начала окна, в двенадцать тридцать монтеры пути Трушкин и Нуриев находились на пути.

Впереди шёл Трушкин, выполняя работы по очистке от снега километра семнадцать сорок девять. За ним в десяти метрах следовал Нуриев. Не дойдя восьмидесяти метров до места покилометрового запаса, в кривой, Нуриев, услышав шум и оглянувшись, увидел в непосредственной близости движущуюся автоматрису. Отпрыгнув в сторону от пути, он криком многократно подавал сигналы Трушкину, но, когда тот обернулся, он, ввиду малого расстояния, не успел выйти из габарита подвижного состава, в результате чего был травмирован левой частью автоматрисы...

Лена Остапова – специалист по охране труда 1-й категории службы охраны труда, промышленной безопасности и экологического контроля Центральной дирекции инфраструктуры – филиала ОАО «РЖД» заставила себя отвести глаза от круглого красного лица читающего и сосредоточится на тёмной лаковой поверхности дубового стола.

В очередной раз она удивилась, как эти по правилам написанные документы стирают любое осознание реальности описываемых в них событий как для слушателей, так и для самого декламирующего. Предложения, написанные официально-деловым стилем, всегда холодные и пустые. Интересно, понимает ли этот начальник ПЧ, что именно он сейчас читает? Или его больше беспокоит ровность звучания собственного голоса и авторитарные взгляды, устремленные на его вспотевший морщинистый лоб?

– Автоматриса, сбив Трушкина, не останавливаясь проследовала дальше, до места ограждения производства работ. – Продолжал говорить докладчик. – Монтер пути – сигналист Иванов А.С., увидев, что автоматриса, проследовав желтый сигнал, не снижает скорость, направился ей навстречу, подавая сигналы остановки круговым движением руки с развернутым красным флажком. Автоматриса, проследовав Иванова без снижения скорости,

наехала на ограждение, после чего бригада автоматрисы применила экстренное торможение...

Василий Николаевич Торжецкий чуть слышно откашлялся, когда дочитал последнее предложение. Глаза его, однако, по-прежнему смотрели на мятые страницы, с которых он зачитывал доклад о происшествии. По его широкой красной шее ползли три блестящие капли пота.

«...автоматриса, сбив Трушкина, не останавливаясь проследовала дальше, до места ограждения производства работ ...».

Лену передёрнуло и она еще тщательнее стала разглядывать стол. Уже лучше смотреть на стол, чем на лица присутствующих здесь двенадцати мужчин. На всех их нельзя было увидеть ничего, кроме трусливого страха наказания.

— У вас всё?

Вопрос председателя разбора был задан тихо и без агрессии, но он всё равно заставил капли пота побежать быстрее по шее Торжецкого. Оставив на коже блестящие мокрые следы, они, наткнувшись на мятый воротник белой рубашки и мгновенно впитались в него. Торжецкий кивнул.

— Есть что добавить?

— Н-нет, Дмитрий Владимирович. — Выдавил Торжецкий, осмелившись наконец-то поднять глаза.

Его ответ вызвал легкий шумок среди совещающихся. Тот самый шумок, который производит группа людей, чтобы сгладить неловкость, вызванную, во-первых, нежеланием высказывать какие-либо мысли по поводу прозвучавшего доклада, а во-вторых, нервной оговоркой Торжецкого, назвавшего председателя разбора неправильным именем.

— Коллегам есть, что добавить?

— По ситуации добавить нечего Денис Владимирович. Доклад достоверный. Но...

Говоривший остановился. Лена слегка наклонилась вперёд, чтобы понять, кто этот подавший первым голос смельчак. Им оказался Максим Григорьевич Нестеров — главный инженер Управления механизации — молодой (лет, тридцати), амбициозный и, естественно, беспринципный.

— Что?

– В материалах к разбору было предварительное заключение по виновности. Тут указано, что семьдесят процентов вины возлагается на пострадавшего...

Лена вжалась в кресло. Заключение было подготовлено работниками её службы. Она, конечно, лично его не писала, но зато отлично понимала каким образом подсчитывались все эти проценты.

– Тимофей Сергеевич, поясните. – Обратился председатель к Лениному начальнику.

– Денис Владимирович, мы лично данное заключение не готовили. Это пришло с региона. Мы ещё должны всё перепроверить, но... По предварительным данным действительно где-то так... Тут же нарушение приказа, выполнение работы ненадлежащим лицом и ещё за пределами установленного времени...

– Как это ненадлежащим лицом?

Тимофей Сергеевич глубоко вдохнул и сильно выдохнул. Так, что зашевелились седая шевелюра на его висках.

– В протоколе указано, что Трушкина назначили сигналистом. А его напарник Нуриев должен был заниматься снегообдувкой. Но на момент происшествия было наоборот. Они что-ли поменялись...

Снова тишина. Лена подняла глаза на Торжецкого, стоящего прямо напротив неё возле стола. Пота на его лбу и шее прибавилось.

– Мы опросили Нуриева, Денис Владимирович, он сказал, что Трушкин сам так захотел...

– Кто такой Нуриев?

– Рудольф Нуриев... Это тот, который второй. Он давал свидетельства. Сказал, что Трушкин отобрал у него машину.

– У них был конфликт?

– Нуриев говорит, что не было. Видимо Трушкин просто хотел быстрее закончить работу. Нуриев работал тогда всего неделю. Трушкин поручил ему сигнализировать, а сам взял снегообдувку...

– Что же это получается, – перебил Торжецкого Нестеров. – Что дорога устанавливает семьдесят процентов виновности погибшему за то, что он хотел выполнить нормативы?

– Дело не в этом. – И без того вечно красное лицо Лениного начальника побагровело. – А в том, что Нуриев не был обучен на сигналиста. И потерпевший знал это. На момент выполнения работ

он был его непосредственным руководителем и, следовательно, сам подверг риску себя и Нуриева...

– Этот Нуриев же не пострадал?

– Да, едва успел отпрыгнуть...

– Но это он должен был следить за движением на путях!

– И всё равно, – С нажимом продолжал Тимофей Сергеевич – он не был обучен для этого.

– А что касательно автоматрисы? – перебил председатель.

– Автоматриса следовала по графику... – насупился Нестеров. Машины и машинисты были его зоной ответственности.

– И вы считаете, Максим Григорьевич, что это ваших машинистов оправдывает? – Перешел в наступление Тимофей Сергеевич. – Автоматриса ехала тараном, пока не врезалась в ограждение!

– Прохоров утверждает, что сигнал был подан. На месте был проведен разбор и техническое расследование. Тормоза не сработали от обморожения. Сигнал могло заклинить по той же причине...

– Вы хотите сказать, что два машиниста, переехавших человека, ни в чём не виноваты?! – У Лениного начальника даже зубы заскрежетали от возмущения. И она, как это ни странно, сегодня была с ним солидарна.

– А в чём их вина, если тормоза не сработали? – Не отступал Нестеров. – Я же сказал, было расследование. Механик второго разряда Андреев, ответственный за подготовку автоматрисы к выправке, позавчера написал заявление по собственному желанию. Вот и нашелся один из виноватых в гибели Трушкина. Это будет где-то 10% из отсутствующих 30-ти в расчётах по установлению виновности. Лена сделала пометку в блокноте и стала слушать внимательнее. Должны полететь ещё головы.

– Евгений Геннадьевич, – обратился председатель к руководителю службы управления персоналом. – Что получается по компенсации, если будет семьдесят процентов?

Евгений Геннадьевич Бобров – лысый, худой и хитрый начальник службы управления персоналом, сидевший по правую руку от председательствующего, молча соединил большой и указательный пальцы на левой руке. Получился 0.

– Нет, конечно, разовую выплату за несчастный случай на

производстве семья получила. И, насколько я знаю, дирекция оплатила похороны... Но что касается пожизненных выплат, которые компания обязана платить семье погибшего работника в таких случаях, то их не будет. Они полагаются, если вины не более чем сорок процентов.

Председательствующий кивнул и Бобров, решив, что своим ответом удовлетворил руководителя, поднял голову и даже приосанился.

— Значит, вот как Вы все это видите, уважаемые коллеги?

Никто не ответил. Председательствующий, не удовлетворившись этим молчанием, прошелся своим строгим пытливым взглядом по каждому из сидящих за столом мужчин и Торжецкому (которому садиться не полагалось), но все упорно продолжали молчать. Когда его взгляд остановился на Лене, она неуверенно опустила глаза. Дениса Владимировича Суворова она страшно боялась. Это был старейший из руководителей Центральной дирекции и самый опытный. Лена же была самой молодой и не опытной. Она присутствовала на совещании только в качестве секретаря, ведущего протокол, и ей по должности не полагалось как-либо «это» видеть. Лена молилась, что председательствующий помнит об этом и не станет требовать от неё ответа.

— Тогда, с вашего позволения озвучу, как вижу ситуацию я. — Денис Владимирович, не дождавшись комментариев встал. — В ноябре прошлого года пьяный машинист на Южно-Уральской дороге вышел на пути и погиб под рельсами встречного грузового состава. В декабре двое электриков на Северо-Кавказской дороге при починке электросети не надели перчатки, отчего один из них, получив удар током, упал с десятиметровой высоты и погиб, а второй получил серьезные ожоги рук, с которыми он больше никогда не сможет работать по своей профессии.

Голос у председательствующего стал плотным и мощным. Он бросал слова как большие серые камни, которые, врезались в совесть и оставляли там глубокие дымящиеся дыры. Один из таких камней попал и в Лену.

— Оба смертельных случаях мы тут с вами, в Москве, под эгидой службы охраны труда, списали на халатное отношение со стороны работников к требованиям безопасности. Мы организовали мероприятие на всю страну, целью которого было напомнить

работникам железнодорожного транспорта о необходимости знания и соблюдения всех инструкций. Для их же, по нашему мнению, собственной безопасности. На организацию данного мероприятия потрачен не один миллион рублей, не говоря уже об убытках, связанных с отменой запланированных работ... Я лично был в тот день на Приволжской дороге. Я вручал грамоту Сергею Трушкину и благодарил его за преданный пятнадцатилетний труд. А теперь мы с вами тут должны заключить, что погибший сам виноват?

– Не только... – Протянул Бобров, слегка приподняв уголки губ.

– Правильно, Евгений Геннадьевич. Вам объявляется выговор. Вы скрыли от меня четыре запроса кадровой службы Приволжской дирекции о выделении дополнительного финансирования на обучение. Этот, как его там... Нуриев? Он не был обучен. Сам отпрыгнул, а Трушкину стал орать. Но мы с вами знаем, что невозможно услышать крики за гудением снегообувочного аппарата. Был бы Нуриев надлежаще обучен, он бы тоже это знал. Ну или хотя бы догадался для чего на его шее болтается сигнальный рожок.

Вот и ещё 5% «не вины» Трушкина, подсчитала Лена и крепче сжала ручку. Сейчас выяснится, где затерялись последние 15%. А она не сомневалась, что они найдутся. Где угодно: в ревизионных проверках, дополнительных отчетах, дисциплинарных взысканиях или урезанных зарплатах каких-нибудь других работников РЖД (возможно даже тех, кто об пока ни о чём не подозревает).

ВЫПИСКА из ПРОТОКОЛА

совещания у первого заместителя начальника

Центральной дирекции инфраструктуры

Д.В.Суворова

от 1 февраля 20xx г. № 28/пр

О несчастном случае со смертельным исходом, допущенном с монтером

пути Паласовской дистанции пути Приволжской дирекции инфраструктуры Трушкиным С.С.

(Суворов, Нестеров, Бобров, Масликов, Торжецкий)

24 января 20xx г. в 13:50 (по местному времени) на 1749 км ПК 8 перегона Усотовский – Лепихинская Приволжской железной дороги автоматрисой АДМ № 1270 под управлением машиниста Прохорова М.Н., помощника машиниста Солдатова Г.Е. был смертельно травмирован монтер пути 5-го разряда Паласовской дистанции пути Трушкин Сергей Сергеевич.

Проведённым расследованием установлено, что причинами допущенного смертельного случая явились;

неудовлетворительная организация работ со стороны начальника Приволжской дирекции инфраструктуры Тимофеева А.Д. в части некачественных планирования и организации работ в выходные дни;

неудовлетворительная организация и недостаточный контроль со стороны бригадира Шарикова М.К. за работниками по соблюдению ими требований безопасности и технологии производства работ по очистке стрелочных переводов с применением средств шланговой обдувки;

нарушение нормативов охраны труда, а также трудовой и производственной дисциплин монтером пути Трушкиным С.С. в части уклонения от обязанностей сигналиста;

неправильная расстановка работников в зоне работ старшим группы, монтером пути Трушкиным С.С., в части привлечения к выполнению обязанностей сигналиста необученного работника (первозимника) и выполнения работы, не входящей в его прямые обязанности.

Учитывая изложенное и в целях исключения подобных случаев в будущем, приняты решения:

1. Начальнику Управления механизации Центральной дирекции инфраструктуры Родионову А.Р. в месячный срок организовать совещания по вопросу разработки технологии при производстве работ в «окно» несколькими службами.

2. Главному инженеру Приволжской дирекции инфраструктуры Столетову Н.Т.:

в трехмесячный срок принять меры по стабилизации положения в вопросах охраны труда и предупреждению случаев наездов на работников;

провести анализ соблюдения режима труда и отдыха работников

Приволжской дирекции инфраструктуры и до 4 февраля 20xx г. Представить отчет о проделанной работе начальнику службы управления персоналом Боброву Е.Г.

3. Начальнику Приволжской дирекции инфраструктуры Тимофееву А.Д.:

рассмотреть вопрос о соответствии занимаемой должности главного инженера Приволжской дирекции инфраструктуры Тарасова К.О., начальника Паласовской дистанции пути Торжецкого В.Н.;

рассмотреть вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности начальника службы управления персоналом Приволжской дирекции инфраструктуры Антонова Т.Т., начальника энергоучастка Паласовской дистанции пути Вовина Т.М.

4. Контроль за исполнением решений настоящего протокола оставляю за собой.

Д.В.Суворов

Исп. Остапова Е.Д. тел. XXX-XX-XX

[1] ДИ –дирекции инфраструктуры – структурного подразделения Центральной дирекции инфраструктуры – филиала ОАО «РЖД» . Также данная аббревиатура применяется для обозначения в телеграфных указаниях должностей начальников таких дирекций.

[2] ПК – пикет – точка разметки расстояния на железнодорожных линиях, как правило с шагом 100 м. На местности обозначается столбиком (пикетным знаком) с цифровым обозначением на обочине железнодорожного пути. На одной стороне пикетного знака наносится номер оканчивающегося перед знаком пикета, а на другом начинающегося. Также это отрезок железнодорожного пути между смежными пикетными знаками.

Об авторе: ЮЛИЯ ЛУКАШУК

Родилась в селе Сотниковском Ставропольского края. Образование

– Российская академия правосудия; Литературный институт им. Горького. Работает юрисконсульт в компании ОАО «РЖД». Член литературного кружка им. Белкина. Neкаýalar